

том задумалась, лицом потемнела, стала двусмысленно говорить: я знаю, мол, о чем ты; но ты не думай, мы с этим управимся... – в общем, подействовало, – как и любой рецепт Железнякова, этого гения диагностики, – к чему я как-то уж очень быстро привыкла, и чем долгое время пользовалась направо и налево.

– Слушай, а не поджечь ли нам их?
Устроим им май шестьдесят восьмого, а?
– Пойдем-пойдем, – подтолкнула его
Этна, – тоже мне еще, новый левый...

47

Митрич

Четыре неоконченных романа

14

аспоры, Метрополии – в создании произведения. С этой точки зрения, современные сочинения авторов русской диаспоры во Франции делятся на две группы:

1) произведения французской литературы,

Кроме произведений Андрея Макина, чей случай мы проанализировали выше, отнесём к этой группе произведения Владимира Волкова, Габриэля Мацнева, Егора Грана (псевдоним Егора Синявского), Анри Труайя (псевдоним Льва Тарасова).

Считая их авторами Диаспоры, мы руководствуемся минимальными критериями: все они, живя во Франции, родились или/и воспитывались русскоговорящими родителями, выходцами из России, и продолжают поддерживать отношения с Диаспорой на личном уровне. Считая их сочинения произведениями французской литературы, мы исходим из того, что они были написаны по-французски, изданы и медиатизированы во Франции, их писательский успех был обеспечен признанием французского читателя. Поэтому в основной список Авторов они не включены;

2) произведения русской метропольной литературы.

Наиболее известны из них произведения таких авторов Диаспоры, как Василий Бетаки, Анатолий Гладиллин, Наталья Горбаневская, Владимир Максимов, Юрий Мамлеев, Дмитрий Савицкий, Абрам Терц, Алексей Хвостенко. Все они давно сложившиеся авторы, представители третьей волны эмиграции, чьи произведения вошли в читательский обиход Метрополии ещё до 1992-го г.

Кроме того, выделим в отдельную группу

3) тексты, не преодолевшие стадии «автор – посредник» или «автор – читатель».

Щадя самолюбие литературного ближнего, не называем здесь имён их авторов.

35

Парижская редакция:

Ольга Платонова и Михаил Богатырев

Для писем:

Olga Platonova, 37 rue Simart 75018 Paris

Телефон в Париже: **0142590740**

e-mail: **steto@club-internet.fr**

Российская редакция: **Александр Елсуков**

Телефоны в Санкт-Петербурге:

(812) 437-3383; (812) 321-6728

e-mail: **stetoskop@mail.ru**

Интернет-версия журнала: **<http://stetoskop.da.ru>**

В библиотеке «Стетоскопа.Да.Ру» готовятся к выходу в свет следующие книги:

Саша Рижанин. **Полное собрание сочинений**

Михаил Богатырев. **Пушкинские чтения**

Митрич. **Книги о художниках**. Серия из трех книг: «А», «Б», «В».

Подписка на книги производится в российской редакции журнала.

Спешите!!!

Помните, что книга – лучший подарок!

* * *

Итак, исходя из всего вышесказанного, можно ли говорить в анализируемом нами случае о существовании литературы? На наш взгляд, как, впрочем, и на взгляд большинства наших респондентов, нет.

За последние восемь лет, составляющие новой период в истории русской культуры, как минимум стодвадцатитысячная русская диаспора во Франции не создала ни одного литературного произведения.

Главными причинами такого положения дел являются, по нашему мнению, утрата русской эмиграцией своего финансового и символического капитала, активная литературная жизнь в Метрополии, а также чрезвычайно ограниченные возможности, имеющиеся у современного русского иммигранта для того, чтобы обосноваться во Франции.

Можно ли рассчитывать на возрождение литературы русской диаспоры во Франции в ближайшие годы? Считаем, что нет. При наличии авторов здесь практически отсутствуют заинтересованные в её появлении посредники и читатели, и реальных причин, способствующих возникновению этого интереса, на настоящий момент не предвидится.

1 апреля 2000-го года Париж

«Стетоскоп.Да.Ру»

№ 5

на основе 26-го номера
маленького журнала созидания прямой и косвенной речи
«ПЛЮС-МИНУС СТЕТОСКОП» (Париж)
с дополнениями и комментариями
главы российской редакции **Александра Е. Елсукова**

Санкт-Петербург, 2001

Ни скудно шуршащие шины слепых автомашин, ни падающие желтые и красные, одинокие листья деревьев на съезжившиеся плечи прохожих...

Ничто в этот день не давало права задуматься над необходимостью происходящего. Но правда повседневности чередующихся дней состояла именно в этом, в простоте и в безапелляционности факта...

Мир давно изменился. Моя страна, шагая уверенно в будущее, скрипя, продолжала говорить о прошлом, меняя правителей, которые спешили и не знали, или, возможно, от скуки не желали творить шедевры мира сознания.

Страна моя безвозмездно исчезла на карте, родив и поглотив себе подобных мелких гибридов, так часто похожих на своего родителя, безудержно копировавших его стеснительные глупости.

Моя страна так и не смогла перевалить через барьер желания «быть». Быть и осознавать, что, существуя, ты продолжаешь вить свои узлы истории.

Но осознавая собственные комплексы сосуществования с безысходностью воспринимать неизбежное, я мог еще раз сказать в радость восходящего солнца, что она была просто девушка с голубыми и зелеными глазами, которые загорались серым задумчивым цветом, когда ее милый лоб морщился от догадок на мои «вопросы прохожего».

Почему «цвет исчезновения» прошел по сознанию человека?

Вот вопрос истории, преследующий современное интеллектуальное сообщество, и он наивно несуществовал в улыбке прекрасного маленького существа, пытающегося понять нежность моих бесцельных вопросов, и выйти за определение половой привлекательности.

Продолжение смотри на прилагаемой дискете
и в интернете по адресу <http://stetoskop.da.ru>

Просмотр электронной версии журнала на прилагаемой дискете следует производить при помощи браузера (Internet Explorer, Netscape Communicator или любого другого), начиная с файла index.htm.

Сергей Болмат

САМИ ПО СЕБЕ

– Что делать-то? – спросила Ксения Петровна.

Ответа не предполагалось.

Паузу она, тем не менее, выдержала перед тем, как папиросу достать. Пачка уже к концу подходила, табак посыпался из коробки на твидовую клетку. Портсигар? Из коробки папиросы доставать как-то элегантнее, считала Ксения Петровна. Щёлкнуть позолоченным портсигаром? Глупо.

Коробка, слегка помятая и «Ронсон» – другое дело. Она ещё высыпала табака из папиросы, чтобы затягиваться было полегче и закурила. Табак вкусно затрещал, загораясь. Она спрятала зажигалку в сумочку. Теперь: щёлк! В тишине. Чтобы слышно стало, что вопрос так и остался без ответа.

Солнце ещё не ушло, а в машине уже стемнело. Разноцветные приборки сладко зажглись в компактных изолированных сумерках. Сам впрос, признаться, прозвучал риторически вдвойне в салоне, пропахшем дорогим дезодорантом, отделанном по заказу, среди карельской берёзы, опривленной в пенополиуретан и хромированной телячьей кожи. В своё время Ксения Петровна буквально вытребовала у мужа, закладываявше-

В душе цветков оставила,
Но вышла за порог,
И в тот же миг растаяла, –
И вновь я одинок.

С тех пор уж много минуло.
Бродил я по Земле,
Искал ту, что покинула.
Иль было все во сне?

И к вам забрел случайно я.
Хотите, я уйду?
И вслед уйдет печаль моя,
Искать свою беду.

– Галинька была сперва лесбиянка, и еще художница, хотя училась на экономическом факультете, и вдруг, там этого говна-то много было, она сделалась русский человек и не чтобы перестала быть лесбиянка, а просто она уже никогда и не была лесбиянка, и не знаю даже, что бы с ней сделалось, если б сказать: Галинька, де? а как, мол? (и подморгнуть), но мы этой темы не касались, мне-то в сущности что? меня она в постель так и не затащила, хотя разговоров было... А тут – никаких разговоров: русский человек! Я туда сделала пару заходов, Галинька меня сразу заподозрила в сионизме: как, говоришь, бабушку у тебя звали?.. Ну, а далее понеслось, – чего там, Галинька меня один

Андрей Лебедев

Современная литература русской диаспоры?..

Литература русской диаспоры во Франции переживает с недавних пор принципиальные изменения. Перемены эти как будто очевидны для всех тех, кто имеет отношение к этой литературе, и воспринимаются ими в целом с запредельным, стоическим спокойствием. Суть этих изменений сводится, однако, к тому, что сам факт её сегодняшнего существования может быть поставлен под сомнение.

Вот почему автор решил пересмотреть содержание общих понятий, посредством которых обозначен предмет статьи. Цель этого пересмотра заключается в актуализации их общего смысла, чтобы на основании этого точнее определить специфику момента.

За внешней амбициозностью замысла кроется глубокая растерянность перед значимостью происходящего. Отсюда особенности нашего подхода, отсюда – особенности стиля. Определим их как «кандидство» (по имени героя повести Вольтера), т. е. мнимой простой взгляд на заведомо сложные вещи.

Автору очень хотелось бы выдержать объективирующую предмет его размышлений дистанцию, однако он прекрасно отдаёт себе отчет в том, что собственная вовлеченность в описываемые события не может не сказаться на созданной им картине. Поэтому мы заранее просим прощения у всех тех лиц, чьи амбиции так или иначе будут задеты в статье. Нам остается лишь надеяться на то, что некоторая субъективность написанного сделала статью менее скучной для чтения.

В этой работе нам очень помогли ответы на анкету, с которой мы обратились к русским авторам, издателям, критикам, живущим во Франции. Всем откликнувшимся на анкету – большое спасибо.

ЧИТАТЕЛИ

Мы не располагаем точными сведениями о количестве жителей Диаспоры. Тем не менее, есть основания рассматривать в качестве рабочей цифры 120 тысяч.

В авторитетном гиде по Парижу сообщается, что на 1995-ый год в столице Франции русскую диаспору представляло около 60 тысяч человек, принадлежащих к разным волнам эмиграции (Paris. Guides Bleus. Nchette Livre, 1994, texte revise en 1995, p.63). Допустим, что при французском «парижецентризме» на остальной французской территории живёт ещё хотя бы 60 тысяч. Таким образом, можно считать, что во всей Франции сегодня постоянно проживает примерно 120 тысяч русских.

Цифра весьма солидная. Однако четверо из наших респондентов указывают в качестве одной из основных причин невозможности литературы Диаспоры отсутствие читателя. Что же тогда читают русские жители Франции? И читают ли вообще?

Так, по мнению того же Антона Козлова, автора нескольких работ, посвящённых русской организованной преступности, «россияне, живущие в Париже, как правило, малограмотны; многие из них находятся в розыске – так что им не до чтения».

В полном объёме ответы на эти вопросы не входят в задачи нашего исследования. Поэтому ограничимся попыткой понять, что представляют из себя читатели Авторов.

Исходя из изложенного в предыдущих разделах, таковые могут быть разбиты на три группы:

- 1) читатели Метрополии;
- 2) читатели Диаспоры;
- 3) читатели-французы, владеющие русским языком. Из них непо-

раз продала! за три копейки! Продала, мужику, сама ушла, мы с мужиком еще за столом посидели, я говорю, ну пойду, он меня до общежития проводил, я захожу к Галиньке, в некотором, честно говоря, недоумении: чего это ты, Галинька? А она: ну как? Ничего, посидели, потом он меня проводил. А Галинька: так что ж ты говоришь, что русские люди все пьяницы и моральные уроды?!.. «Просветленная, я удалилась»; и, в общем, меня это, конечно, хоть и потешало, но больше раздражало и злило. Пусть бы она уж лучше лесбиянкой была. Както понятнее. Стала я Железнякову на Галиньку жаловаться: так и так, общество Память, жизни нет, достали, – а Железняков говорит: а ты ей скажи, подружке своей этой, что Память, Память тьфу, а вот есть Вечная Память. Я говорю: «Это что – общество?» Железняков: нет, это не общество. Ты ей скажи, что если она вот только скажет эти два слова на ухо своему руководителю из Памяти, то увидит, как он побледнеет и затрясется... Ладно, я Галиньке говорю, что так и так, Вечная Память. Галинька: «Это что – общество?» Я говорю: нет, это не общество, – и дальше, слово в слово, как положено; ну, Галинька сначала на дыбы: «Русские не трясутся!», по-

40

средственный интерес представляют для нас вторые. Основной формой манифестации читателя является покупка им сочинений автора. Только таким образом он становится настоящим читателем-производителем, а не фигурой пассивной (читатель библиотеки) или страдательной (друга автора и потенциальные посредники, получившие от него сочинение в дар). Функция денег в данном случае близка функции денег в психоанализе, так же как функция чтения – психоаналитической.

Отождествляя свою речь с авторской, читатель стремится выявить свои скрытые желания, или «понять тайны своей души».

Как известно, плата за сеанс, и обычно весьма высокая, является непременным условием психоаналитического курса. В противном случае пациент (читатель) не заинтересован в реальном результате работы и предпочитает оставаться в фантазматическом пространстве ложного представления о себе: пациент – как существа асексуального, читатель – как существа высококультурного.

Приобретая книгу Автора в России, читатель участвует в литературно-производственном процессе Метрополии, но никак не Диаспоры. Таким образом, единственные данные, которые следует учитывать, – это данные о продаже книг Авторов и единственного литературного журнала в единственном книжном магазине и на литературных вечерах. Данные эти были приведены выше; приведённые цифры смехотворны. Поэтому мы вынуждены считать справедливым мнение наших респондентов, отрицающих существование читателя в Диаспоре.

произведения

Критерием, лежащим в основе предлагаемой классификации, является степень участия литературных производителей – французских, Ди-

34

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Болмат Сами по себе	4
Александр Бараш Саксонский берег	6
Гали-Дана Зингер Приглашение ТПРУА	7
Михель Кунингас Год мессии	8
Чужой БУДЛУБ-2	10
Владимир Тарасов Птаху	11
Александр Чукаев Когда	12
Митрич Четыре неоконченных романа	14
Андрей Лебедев Современная литература русской диаспоры во Франции?	16
Песни для Александра Елсукова или Плохая литература	37

при оформлении номера использованы рисунки Митрича

@ «Стетоскоп.Да.Ру», 2000
при перепечатке ссылка на «Стетоскоп.Да.Ру» обязательна

15

Александр Бараш

ДУВР
(из цикла «САКСОНСКИЙ БЕРЕГ»)

В предпоследний день
в Англии (Две недели в палевом тумане
откуда выплывали: башни из красного кирпича лебеди на льду
негры-контролеры автобусов японцы-туристы англичане –
за стойками пабов
вывески на языке естественном как русский и еще менее понятном) –
накануне
перелета из этой страны – обратно
в комнату с белыми стенами
где я сижу сейчас как дикарь у костра – перед компьютером
то есть спиной – к дикости того что за спиной
(три НЕ: неудовлетворительность необъяснимость и необратимость)
Мы вышли из
автобуса в Дувре

6

Другие стихотворения смотри на прилагаемой дискете
и в интернете по адресу <http://stetoskop.da.ru>

современность

Что иметь в виду под современной литературой? В русском случае это понятие отнюдь не является само собой разумеющимся.

Ещё в начале девяностых годов специалисты по современной русской литературе метрополии могли расхотеться во мнениях относительно ее нижней временной границы, считая таковой или хрущевскую оттепель, или даже окончание второй Мировой войны.

Периодизация литературы диаспоры делалась по «волновому» принципу, согласно которому современной считалась литература третьей волны эмиграции (с начала семидесятых годов).

Так или иначе, но счёт шёл на десятилетия.

Новизна ситуации, которую переживает современная литература в России, заключается в том, что ей всего не более десятка лет. При этом подавляющее число ее участников вошло в литературу или, по меньшей мере, воспитывало свое представление о ней в предшествующий период. С тех пор принципиально изменился автор, текст, читатель, посредник, а в результате – и сама словесность. Те, что не изменились – оказались маргиналами. Причем маргиналами стали неизменившиеся представители как бывшего официоза, так и андеграунда.

Перемены, произошедшие в России, имеют решающее влияние на литературную ситуацию в русской диаспоре и, в частности, во Франции. Финансовый и символический капитал, которым обладала эмигрантская литература, обеспечивался ей за счет России. Финансовый – так как она существовала прежде всего на средства западных правительственных и частных организаций, рассматривавших поддержку её как одно из средств борьбы с советским режимом. Символический – ибо слово тамиздата было словом людей, решившихся на конфликт с властями, пострадавших в этом конфликте и тем самым героизиро-

Легенду эту рассказал
Знакомый мой калмык,
А он от деда услышал
(Умнейший был старик!)

«...Когда я бегал босиком
По вспаханной земле,
Когда под стол пешком ходил
И ездил на метле;
Когда я резво в бой скакал
В завязанном мешке
И мимо рыцарь пробегал
С дубиной в руке;
Когда, чтоб гриппом не болеть,
Я ложкой хину ел,
Когда с компанией шальной
Я пировал и пел;
Когда ходил на абордаж
В пиратских кораблях,
Тогда в Китае обитал
Хромой ужасный лях...»

«...В поместье деда моего,
На маленьком дворе
Тот лях ужасный проживал
В собачьей конуре.
Он страшен как ночной кошмар

43

ры); это преподаватели-русисты и студенты, изучающие русский язык, – журнал рассылается по всем французским университетам, где есть русская кафедра; журнал выписывают также преподаватели средней школы, которые используют публикуемые в нем тексты как учебные пособия.»

При более чем полувековом существовании и тираже 50 тысяч экземпляров, «Русская мысль» традиционно считается самым представительным периодическим изданием русской диаспоры во Франции. Не случайно именно к этой газете предъявляют серьезные претензии трое из наших респондентов. Суть их упреков заключается в том, что она перестала быть печатным органом эмиграции, который объективно отражал бы её интересы.

Нас, однако, интересует здесь чисто технический вопрос: можно ли, даже в случае самого внимательного отношения «Русской мысли» к современным русским авторам, живущим во Франции, считать её литературно-художественным периодическим изданием? Очевидно, что нет. Традиционной формой такого издания является «толстый» журнал, но никак не газета, основные жанры которой – информационные сообщения и аналитические статьи.

Итак, единственным литературным периодическим изданием современной русской диаспоры во Франции является журнал «Стетоскоп», печатающийся на черно-белом ксероксе средними объёмом 60 страниц и тиражом 134 экземпляра.

Редакторы: Михаил Богатырёв и Ольга Платонова. Отдавая себе отчёт в символической значимости «Стетоскопа», мы посвятили ему две статьи: «Митрич и Бодрийар» – Русская мысль, № 4169, 1997 год, с. 12 (перепечатана в: Литературный европеец, № 2, 1998, с. 12); «Сказ о Стетоскопе» – предложена журналу «Нева».

31

И зол был, как шакал.
Все в страхе прятались, когда
Зубами он щелкал...»

Я грязный и оборванный,
Пустите на постой.
Я как цветочек сорванный,
И мой карман пустой.

Я знаю сказки старые...
...Про старые метели,
Как кобели поджарые
Меня загрызть хотели....

И как я, окровавленный,
Бежал, что было сил,
И как я нож отравленный
Запазухой носил.

Но, мести необученный,
Врага не смог убить,
До одури измученный,
Я с горя начал пить.

Прогнали вон пьянчугу,
Но видно, неспроста,
Пришла ко мне в лагучу
Святая Красота.

го в автомобильных журналах страницы с лоснящимися интеллигентной полнотой «Саабам» и «Роверами», наглый американский автомобиль, многозначительный бензоед цвета «шанхай», просторный и прохладный внутри как провинциальный вокзал и похожий снаружи на каплю масла, скатившуюся на петербургскую мостовую с подбородка прустовской красавицы. Со стороны Ксении Петровны это был чистейший каприз, но она любила капризы.

Она с удовольствием покосилась в сторону молчания. Было бы эстетически неправильно, если бы Валентин Викторович ответил. Он бы не сидел тогда за рулём этого амбициозного агрегата, он по-прежнему работал бы в своём институте иностранных языков, на кафедре сравнительного эсперанто, и угнетал бы себя с ночи до утра переводами поэтов, фамилии которых известны только библиографам и типографским наборщикам. И лицо у него наверняка стало бы со временем другое: туповатое, упрямое, возможно, решительное, но уж наверное не такое, как сейчас – мальчишеское, виновато-самоуверенное, аккуратное лицо рекламного интеллигентного старика.

Он поправил очки – как бы прочерк в диалоге.

В очках Валентин Викторович был похож на Джеймса Джойса, нарицательного опытным журнальным иллюстратором. Эти очки она ему три дня в Лондоне выбирала.

Превосходно сидят. Просто превосходно.

Он облизал губы. Верхнюю губу можно было бы слегка по краям подрезать, подумала Ксения Петровна, сделать её ещё чуть-чуть более женственной.

Продолжение смотри на прилагаемой дискете
и в интернете по адресу <http://stetoskop.da.ru>

44

5

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

Мы специально побывали в указанных выше книжных магазинах, с тем, чтобы понять, как в них представлены современные сочинения Авторов.

В «Globe» имелось по одной книге Юрия Мамлеева и Абрама Терца и три книги Николая Сарафанникова, одна из которых вышла до 1992-го г. На вопрос о том, что ещё можно приобрести из книг Авторов, нам ответили, что только те, что распространяются через «Международную книгу».

В отличие от «Globe», в «Les editeurs reunis» Авторы оказались представлены очень хорошо.

По нашим сведениям, из указанных выше 30 авторов, начиная с 1992-го г., книги вышли у 23 авторов. В магазине имелись книги 16 авторов. Кроме того, там продавались все названные нами периодические издания.

Нам, однако, пояснили, что никакой коммерческой выгоды торговля их сочинениями магазину не приносит, так как покупаются они в среднем по одному-два экземпляра книги Автора в год или не покупаются вообще. Исключение составляют книги Носика и Терца.

Что касается Бориса Носика, то имелось в виду не его собственно художественные произведения, а такие книги, как биография Набокова, «Прогнул по Парижу» и «Русские тайны Парижа».

В магазин книги попадают, как правило, через самих Авторов, которые сдают их на комиссию.

Из вышесказанного можно заключить, что сейчас на территории Франции имеется один книжный магазин, в котором реально представлены современные сочинения русских авторов, живущих в этой стране.

Что касается продажи изданий на литературных вечерах, то и по нашим собственным наблюдениям, и по свидетельству Авторов и их посредников она, как правило, весьма незначительна.

ЛИТЕРАТУРА

В последнем издании словаря Ожегова и Шведовой приводятся следующие значения слова «литература»: 1) Произведения письменности, имеющие общественное, познавательное значение; 2) Письменная форма искусства, совокупность художественных произведений (поэзия, проза, драма); 3) Совокупность произведений какой-нибудь отрасли знания, по какому-нибудь специальному вопросу. Оговоримся сразу: в нашей статье мы имеем в виду литературу во втором из этих значений.

Объединяющим у Ожегова и Шведовой для всех трех значений является понятие произведения. Однако присвоение тексту статуса произведения есть результат общего труда автора, читателя и посредника между ними. Более того, отсутствие одного из этих четырёх элементов – автора, текста, посредника, читателя – ставит под вопрос само существование литературы. Говорить в конце двадцатого века о труде, не используя другого понятия – «капитал», довольно сложно. Термин этот со времен Маркса расширил свое значение и употребляется в современной социологии литературы как в смысле капитала денежного, так и символического. Под символическим капиталом имеется в виду степень значительности, важности, влияния, которой обладают произведение и, соответственно, его производители в литературном и общекультурном поле.

Таким образом, полная картина состояния литературы требует от исследователя внимания как к самому произведению, так и к его производителю. Поэтому для нашего понимания литературы определяющим будет являться понятие совместной работы: авторской, посреднической, читательской по превращению текста в произведение, или в «вещь» на профессиональном языке вовлеченных в этот процесс.

52

17

Михель Кунингас

ГОД МЕССИИ

1. Был один юноша из черт знает какого рода, ибо если верить данной ему от рождения фамилии, то никакого рода и быть не могло. Фамилия же его Вайстриук. И говорил ему отец его, что собственной рукой исправлял в метриках буквы Б. Но как не было рода, так и не стало.

2. Мессия же родился 5519 года на исходе девятой субботы.

3. Звали юношу, что имел фамилию Вайстриук, Сергеем. Имя отца его – Дамир, что означает «да здравствует мир во всем мире». И погиб муж сей Дамир в день семнадцатилетия сына своего в великом городе, что расположен в конце пути широкой и холодной реки. Утром был найден он возлежащим на ступенях распивочного дома, укрытый ночной изморозью. Ступени же были в крови и облеваны.

586 г. до н.э.) вне Палестины». Понятый таким образом термин «диаспора» представляется нам наиболее точным применительно к предмету наших размышлений.

Ситуация, однако, осложняется тем, что в ответах на анкету этот термин далеко уступает в частоте употребления «эмиграции».

Так, слова «эмиграция», «эмигрант», «иммиграция», «иммигранты» употреблены 10 раз: (Гладилин (5), Носик (2), Савицкий (2), Амурский (1)), тогда как «диаспора» и «расселение» всего 4 (Савицкий (2), Соловьев (2)).

Кроме того, в ответе Савицкого встречается «зарубежье» (1).

Вновь обратимся к словарю Ожегова и Шведовой, где под эмиграцией предлагается понимать следующее:

1. Вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или другим причинам.
2. Пребывание в другой стране после такого переселения.
3. Собирательное: эмигранты.

Итак, слово «диаспора» в целом соответствует третьему значению «эмиграции» у Ожегова и Шведовой. Абсолютные синонимы, как известно, вещь чрезвычайно редкая, поэтому разница в оттенках их значений не менее интересна, чем смысловое сходство. Что же тогда стоит за лексическим предпочтением наших авторов?

Высказывание Бориса Носика помогает лучше понять смысл этого предпочтения: «...Хотя я и «не уезжал», чувствую себя в последнее время всё больше эмигрантом, т. к. старые московские друзья уходят – «одни в никуда, а другие в князья»...» Эмиграция определяется прежде всего отъездом из страны, который становится стигматом, «шрамом прошлого» (Савицкий). И если диаспора «живёт», то эмигранты прежде всего уезжают, покидают родину, рвут естественные связи, а покинув её, не живут, но «пребывают в другой стране», видимо, долго приходя в се-

Мы со Сталкером поехали на т. н. Московское море – на самом деле это озеро, то есть водохранилище, наверняка искусственное. Но это не важно. Я не знаю, где это: возможно, где-то под Калинином – впоследствии мне нередко приходилось проезжать мимо воды, подступающей близко-близко, на электричке. Может и нет. Там, на лодочной станции, мы взяли лодку. Мы взяли ее на несколько дней, и пришлось оставить в залог паспорта. Видимо, я была, как обычно, в ксивнике. Мы поплыли на ней. Сталкер сидел задом и греб, а я смотрела вперед и говорила ему – правее, или левее. Это был первый раз, когда я каталась на лодке. Также это был первый (и последний) раз, когда мы поехали куда-то вдвоем. Кажется, мы остановились посередине озера, и я купалась. Потом я гребла. Потом мы приплыли. Наверное, это был какой-нибудь остров. Там был песок, довольно-таки вязкий, и из него торчала трава. Наступила ночь, мы сидели у костра, а сосны склонялись над нами. Меня вдруг обуял ужас. «Атавистический ужас первобытного человека перед лесом.» То, что Сталкер был рядом, ничего не меняло. Хотя я и жаловалась – наверняка, жаловалась. А Сталкер, должно быть, вспоминал вслух свой «Пролог», а также те времена, когда он в молодости ходил в лес.

По-моему, на следующий день мы перебрались в другое место. (На лодке, опять же). Но, возможно, это было еще в тот, первый день. По крайней мере, место, которое я помню дальше – это было не то место, где вязкий песок и салатная болотная трава, торчащая из него. Другое место, и был день, и Сталкер не хотел покидать палатку – у него была депрессия. А я – я распалила костер, и потом приговорила суп из пакета. С какими-то сыроежками, их было всего несколько штук. Удивительно, что мне удалось самостоятельно приготовить этот суп. Я принесла его Сталкеру, и мы вместе поели.

Замечательная картина! Что, однако, кроется за ней в действительности? Рассмотрим конкретно, как обстоят дела с главными формами посреднической деятельности: издательской, журнальной, книготорговой.

ИЗДАТЕЛЬСТВА

За период с 1992-го г. из всех указанных издательств книги Авторов выходили лишь в «Стетоскопе». Его авторами являются сами издатели «Стетоскопа», Митрич и Богатырь, изготавливающие книги вручную, при некоторой технической поддержке издательства «Синтаксис».

«Богатырь» – псевдоним М. Богатырёва, под которым он выступает как издатель и художник. Что касается «Митрича», то в «Стетоскопе» нам предоставили о нём следующую биографическую справку: «Митрич – художник, издатель. Родился в 1946-м г. в Ленинграде. В 1993-м г. уехал в Париж; с 1997-го г. живёт в Бургундии. Публикует свои творения в издаваемом им журнале «Стетоскоп» – его работы можно найти во всех выпусках журнала, а также в журналах «Стетоскоп.Да.Ру» (Санкт-Петербург) и «Черновик» (Нью-Йорк); главные журнальные публикации: «Докладные записки Масштаба Масштабовича», «Шары и брусья», «Кванты наивности». В издательстве «Стетоскоп» вышел альбом «Бутылочка туши», книга «СТЕНА и Я», брошюра «Пушкинские чтения» (совместно с Богатырём). В настоящее время, параллельно с созданием высокохудожественных полотен маслом, в поте лица трудится над серией «Книги о художниках»: подготовлены к изданию «Книга А», «Книга Ы» и «Книга Ъ.» Следует сказать, что за последние пять лет, в течение которых мы посещаем культурные акции «Стетоскопа», Митрич (согласно псевдониму и описанию, лицо мужского пола, примерно пятидесяти лет, поклонник «Москвы – Петушков») ни разу не был представлен публике. Скорее всего, «Митрич» – или вымышленное лицо, или псевдоним одного из редакторов журнала.

Лист. Чистый. Стоит только увидеть... Ага, испачкан. Главное – не бояться. «Кто положил мне в карман мокрую спинку мятая? Я растяну ее на три дня, когда умолкнут все песни, которые поешь». Умолкли. Открыл воду в ванной. И прошу. Распахни ее и долго не убирай. Теперь... Долго... Экзистен... не в этом дело. Ну, прощай, завтра увидимся. И локтями подталкивать друг друга, попаясь от смеха. Здравствуй! Сто лет не виделись. Надо же! Радость-то! Об этом где-то уже было. Радость. Вот видишь: радость! А ты говоришь! Да не я: они! Они умирают, они любят, они красят. Может, и не они, но тебе. Да, ты спрашивал про спинку мятая – это тоже они. «Не пей сырой воды», «не забуду мать родную», «нет в жизни счастья», «Вася – человек алкоголик». Я не могу. Я не хочу больше. Возьмите, заберите, подавите! «Сказавший «А», да скажет «Бе-э-э». А сказавшему «Бе-э-э?» Ну, что ж, а теперь попробуем не дышать... Это не мы. Это спиралевидный ход. Скрижалеобразный. Не ты, не я, кукареку! Но хотела бы я посмотреть, как бы ты... Наверняка, круче Данилы-мастера. Ы-ы-ы!!! Не выходит. Представляю себе. Э, да что нам, простым тантристам! (или тантрушникам? Или тантровкам-затейникам?) Как бы не так! Круче? О, это круто, как рельсы и шпалы. Целенький (не сказать бы живехонький) скелет в задумчивой позе поперек путей. И травка кругом пробивается. Ножки-косточки через рельс перекинул и лежит, загорает, поездка ждет. Давно ждет. Долго... Ну, здравствуй, что ли! Экзистен... Тьфу! Да я не о том. «Скажите, а Вы пишете стихи, когда Вас мучает понос?... Да? Большое спасибо» Свобода, значит. Внутри, значит? Этот дядя тоже был внутри бутылки. Так чего: выпустили дядю того. Нету нигде, сколь не ищи. «Ни за что, просто так, / Просто ты подвернулся под руку, / Дурак!» Так что же, их теперь на фабрике делать да в бутылки сажать? Ну, беги скорее. Пора. Как что? – вода переливается, грязнуля!

Гали-Дана Зингер

ПРИГЛАШЕНИЕ ТПРУА

Что с нами случилось?

Смешно сказать, ты стала Музой, а вот меня и вовсе не осталось, и, прелести небытия перечисляя, с тобою говорит путеводитель по бывшему священному союзу.

Писать как щастье щас и как сейчас несчастье, так раскидайчиком торгует мелкий частник, икотой суффиксов его вращеаема праща, он ротик раскрывает, мелкий частик, за уменьшительно-ласкательной тащась наживкой (червь резинки). Что ж, отчасти свобода в выборе правописанья нам дана затем, чтоб больше было виноватых в погрешностях противу языка.

Продолжение смотри на прилагаемой дискете и в интернете по адресу <http://stetoskop.da.ru>

Ими выпущено около 20 книг при среднем тираже 25 экземпляров. Данное положение вещей не позволяет рассматривать издательство «Стетоскоп» в качестве посредника.

Книги Авторов либо выходят в издательствах России (в большинстве случаев), либо издаются во Франции ими самими.

Таким образом, на сегодняшний день в русской диаспоре во Франции нет ни одного издательства-посредника, выпускающего сочинения её авторов.

периодика

Авторы печатают три периодических издания: «Русская литература/Lettres russes», «Русская мысль», «Стетоскоп».

Литературный журнал «Русская литература/Lettres russes» (тираж 400 экземпляров) печатает и включает в число своих подписчиков представителей Диаспоры, однако смысл своего существования видит отнюдь не только в обслуживании их авторских и читательских интересов.

См., например, специальный, 22-й номер журнала, вышедший в 1997-м г. и целиком посвященный творчеству современных русских писателей и поэтов, живущих в Париже. Номер богат иллюстрирован графикой местных русских художников. Вот, что, однако, ответила на наш вопрос «Как бы Вы могли определить сегодняшнюю программу «Русской литературы /Lettres Russes», на какого читателя он рассчитан?» Кристина Зейтунян-Белоус, главный редактор журнала: «Русская литература/Lettres Russes» является одновременно как собственно литературным журналом, так и журналом художественного перевода. Он рассчитан теперь не только на издателей. Наши основные читатели – это французы, интересующиеся русской литературой, которые когда-то изучали русский язык и хотят поддерживать знание языка; это эмигранты, которые хотят быть в курсе того, что пишется сейчас и в России и в русском зарубежье (а мы публикуем теперь и авторов диаспо-

вавших свое слово, покинувших Советский Союз и обретших возможность тиражирования этого слова, поселившихся на Западе и получивших возможность свободных и неограниченных контактов с мировой культурой.

Терминология, определяющая перемены в России с конца 1980-х годов, и особенно с момента распада СССР (рубеж 1991-92), ещё находится в процессе становления. В зависимости от позиции наблюдателя речь может идти и о «крушении империи зла», «становлении демократии», и о «стадии первоначального накопления капитала», и о создании «клетчатки» (власти воров) и «мафиозного государства». Так или иначе, в результате этих перемен современная литература русской эмиграции своих прежних капиталов лишилась. Эффект утраты оказался настолько шокирующим, что авторы ответов на нашу анкету, знавшие лучшие времена, утверждают, что её просто больше нет, во всяком случае, во Франции, а подавляющая часть остальных говорит о её существовании с весьма серьёзными оговорками.

диаспора

Словарь Ожегова и Шведовой относит «диаспору» к разряду книжных слов и толкует его как «людей одной национальности, живущих вне страны своего происхождения, вне своей исторической родины».

В свою очередь, «Толковый словарь русского языка конца XX века» помечает слова «диаспора» и «эмиграция» значком, обозначающим актуализацию слова, и дает первое следующее толкование: «Часть народа, этнической группы, живущая вне пределов государственных, национальных границ на положении национально-культурного меньшинства, в силу исторических, культурных, религиозных причин. Первоначально: совокупность евреев, расселившихся (со времени Вавилонского плена,

БУДУЩЕ

Ян ехать пока от снегом рода
Ген штопорок аллей
Оному к Меню затерло

Дума полуденное вовремя
А, чёт он ей хватъ
Нас той жетоне с дивом

Хочется – намедни фрязи
Руны грядок поют
У сиреней долог кумыс

Печати он проверка
О перестань слагаемых
Прощение заушимо

Свидетель творил абсолютов
Коноплянищного отцвела
Разному удали не мать

Вымыв радость адский брат
Ярыга подточающее
Так кто в сени чего

10

старшего поколения респондентов. Само слово «эмиграция» отсутствует в ответах на анкету авторов младшего поколения.

Самому младшему из этих авторов, Дмитрию Бортникову, 31 год, самому старшему, Сергею Соловьёву, 43.

Ему предпочитается «диаспора» (Соловьёв), нейтральная описательная конструкция «россияне, живущие в Париже» (Козлов) или вовсе молчание относительно своего самоопределения.

Разница в тоне объясняется отличием в условиях отъезда. Выехавшие из горбачёвской и ельцинской России делали это не под прямым давлением властей и не с мыслью о том, что покидают страну навсегда, или – описывая ситуацию в положительных терминах – свободно осуществляли выбор географического и социо-культурного пространства для жизни.

русскость

Что даёт основание рассматривать текст в качестве произведения – в нашем случае русской – диаспоры? Тот факт, что его производители являются жителями диаспоры. Проблема, однако, заключается в том, что, в отличие от жителя метрополии, житель диаспоры так или иначе существует в ситуации двукультурия, причём его диаспорная культура объективно является подчинённой культуре аборигенского большинства.

Особенно остро это двукультурье переживается эмигрантом, которому свойственно подчеркнутое, по сравнению с жителем метрополии, самоотожествление с национально-культурными ценностями родины. Иностранное окружение порождает в нём страх утраты привычной самоидентификации и актуализирует для первого то, что второму кажется само собой разумеющимся.

22

Жил в Москве один парень, который экспериментировал с наркотиками, синтезировал новые виды, у него была кличка «Химик», полученные препараты он проверял на своем друге, тот был наркоман, и мог употребить буквально все; как-то этот друг от очередного препарата таки двинул кони; ну, Химик, туда-сюда, видит, плохо дело, не на ком больше пробовать, тогда он стал пробовать на себе, и дошел до того, что...

Ты явно перебрал теофедрина,
А я ведь говорил, что хватит двух!
Для них всегда ты был и есть скотина,
А для меня – мой самый лучший друг.
Бездыханное тело – ты ли это?
Ты, – кто учил меня как надо жить...
Как быстро пролетело наше лето,
Год жизни не успел ты одолжить.
Милиция теперь с меня не слезет,
Да, мой хороший, ты мне удружил,
Тебе спокойно в царствии небесном,
Я ж – кровь готов пустить себе из жил.
Теперь ты не подскажешь, что мне делать,
Тебя сейчас возьмут и унесут,
Чтоб в морге, как говядину, разделить.
А мне из-за тебя идти под суд.
Все прошлое теперь, как наважденье,
А ждет лишь неизвестность и печаль...
Я опускаюсь вниз в изнеможеньи,
Мне не тебя, мой друг, – себя мне жаль.

39

Словарь Ожегова и Шведовой предлагает традиционную жанровую иерархию произведений. Думается, что в наше время наиболее заметным родом литературы является уже не поэзия, а проза. Поэтому начнём с прозаиков.

В качестве таковых нам известны: Нина Божидарова, Николай Боков, Дмитрий Бортников, Анатолий Гладилин, Алексей Ивин-Конь, Андрей Лебедев, Юрий Мамлеев, Борис Носик, Владимир Репин, Дмитрий Савицкий, Кира Сапгир, Сергей Соловьёв, Евгений Терновский, Анаит Топчян.

Список известных нам поэтов составляют такие имена, как: Василий Бетаки, Наталья Горбаневская, Владимир Загреба, Кристина Зейтунян-Белоус, Кароль К. (псевдоним Ирины Карпинской), Антон Козлов, Борис Лежен, Любовь Молоденкова (псевдоним Аиды Хмельёвой), Галина Погожева, Николай Сарафанников.

В качестве драматурга укажем Юрия Юрченко.

Отдельно назовём имена Михаила Богатырёва (поэзия, проза) и Алексея Хвостенко (поэзия, драма).

Кроме того, в период, который мы предлагаем считать современным, ушли из жизни писатели Владимир Максимов (1995) и Абрам Терц (псевдоним Андрея Синявского) (1997), поэт Манук Жажоян (1997).

Относя авторов к той или иной категории, мы прекрасно отдавали себе отчёт в некоторой жёсткости и искусственности нашей разбивки. Подробная библиографическая роспись показала бы, что среди них немало тех, кто совмещает в своём творчестве разные роды литературы. Поэтому правильнее будет говорить об их преимущественно прозаическом, поэтическом или драматическом творчестве. Надеемся, что этот предварительный список поможет будущему библиографу в составлении и исчерпывающего описания созданного ими и выявлении не указанных нами имён.

27

/неясно/: гав-гав... ой-ей-ей... кашку-то овсяную будешь есть? Боже, боже, как я болен... как я болен, боже, боже... ха-ха-ха /тихо/ животное, что ты здесь делаешь... сгинь отсюда, несчастная собака... /тихо, из кухни/: бу-бу-бу... так... теперь еще ножницы найти /стук двери/ /матерная ругань из-за стены/... ну и врешь же ты, батенька – злобная клевета на советский строй... бабки, заработанные кровью и потом разбрасываешь... /.../ ...хм...Блин...Гав...ничего нету... гав-гав /много раз/...
...тьфу...

Звонили?... Вроде как нет... а-а-а... вот ты о чем... она подозрительно притихла...что?... стенограмма, бля... хххх... мнмм...птхх...хе-хе-хе... да ты отдохни...не все ж трудиться-то, неугомонный.../ .../ я-я... машинка есть с латинским шрифтом... давай на английском перейдем... та-та-та-та-та-та-там... /шкряб, шкряб/... жуть какая...пшло вон... надо ее загнать на ее территорию.../.../...пшло вон... да-мм... жутковатая книга.../.../ ...а что Владимирскому делать?... чтоб не сдохнуть от тоски я вяжу себе носки...Что? ...ммм-ммм-ммм...пойду загоню собаку в комнату... вот и Владимирский себе работу нашел... /?! / ...колбасы... / сталкир, иди мяско хавать...так и будет...что ж такое... еб твою ммм... /соло на гитаре/ ты чего?... вот... ты был парав, Сталкер...ты бы встал, послушал...если хочешь, можешь сам сходить послушать...бросаю трубку на том конце /соло на гитаре/ ...это уже в дверь...это Алена...эх...Ален а Ален... если мне будут звонить незнакомые голоса, меня нет... /вздох/ ...старый я стал... а потом все наши откровения будут издаваться миллионными тиражами... как выражается мой папаша, каждый клочок туалетной бумаги, использованной нами, пойдет в архив /соло на ситаре/ ...Сталкер, мне не звонили?... да вроде нет...а впрочем, вероятно, звонили...ужас какой, а...проклятый нобль...а?...проклятый нобль...

посредники

В Диаспоре нам известно пять издательств, выпускающих русскую художественную литературу: издательство Николая Дронникова, ИМКА-Пресс, «Русский болтун», «Синтаксис», «Стетоскоп». Все они размещаются либо в Париже, либо в его ближних пригородах.

Отдельно укажем «Альбатрос», издательство французского русиста и коллекционера русского искусства Ренз Герра.

Русская литература печатается на страницах журналов «Вестник РХД», «Русская литература/ Lettres russes», «Синтаксис», «Стетоскоп», а также газеты «Русская мысль».

Литературные вечера с участием Авторов проходят в парижском русском клубе «Симпозион», работой которого руководит Алексей Хвостенко, при русском отделении Сорбонны (благодаря усилиям профессора Вероники Лосской), а также организуются журналом «Стетоскоп».

В Париже (что в данном случае является синонимом Франции) существует два книжных магазина, в которых можно найти сочинения Авторов: «Les éditeurs reunies» и «Globe». Кроме того, их издания продаются на литературных вечерах с их участием.

Существует одна общедоступная русская библиотека – Тургеневская, в Париже. Кроме того, некоторые сочинения Авторов имеются в библиотеках французских высших учебных заведений, где изучается русский язык.

Критические материалы об Авторах помещаются на страницах «Русской мысли».

Интервью с ними транслируются Международным французским радио (русская редакция) и «Свободным радио» французских анархистов (ежевоскресная двухчасовая передача на русском языке «Голос труда»; ведущий Александр Чукаев).

4. Сергей Вайстрик, сын его, вскоре отчислен был из института имени Бонч-Бруевича за многочисленные прогулы и вообще ушел из дома своего, и жил среди юношей беспредельных, и весьма много учился всякому.

5. Мессия же знал, что время его пока еще не пришло, и скрывался в тенях мудрости.

6. Когда же пришло время служить в армии, Сергей Дамирович Вайстрик сказался в рассудке помешанным и помещен был в скорбный дом на берегу кривой грязной речки, где и провел три года жизни своей, по прежнему учась прилежно и много всякому.

7. А проживал в доме том старец взлохмаченный и чесоточный за грехи свои. И был он из рода первосвященников, хотя сам знал о том смутно.

8. Имя же старца Кан Семен Срулевич. Но сумасшедшие звали его просто Сруlichem, а врачи между собой – Засранычем.

9. Старец тот и прикипел сердцем к юноше. Будучи по натуре вздорным, кричал тоненько и тряс пальцем у самого носа юноши. Однажды побил легко.

10. Но любил его и считал сыном Израилевым.

11. И сказал однажды так: «Запомни, Сережа, очень хорошо запомни то, что я тебе скажу, как будто я тебе ничего и не говорил, а ты знал это всегда. Где, спрошу я тебя, предел нашего идиотизма? Правильно, в этих желтых стенах. И если мы покидаем их, то из идиотизма внутреннего попадаем во внешний идиотизм. Так скажи, где предел нашего идиотизма?»

Продолжение смотри на прилагаемой дискете
и в интернете по адресу <http://stetoskop.da.ru>

бя «после такого переселения», организовав свою жизнь, как больной, во-круг перенесенной психологической травмы.

Среди известных авторов третьей волны попытка дедрамматизации и анализа эмиграции имеется у Иосифа Бродского: «В этом опыте [эмиграции, изгнания] нет ничего особенного в сравнении с многочисленными перемещенными лицами в мире – с гастарбайтерами, с арабами, ищущими работу во всех странах. Если вспомнить вьетнамцев, сотнями тысяч переезжающих с места на место, если подумать обо всех людях, которые оказались в изгнании, то писателю говорить о его личных условиях в изгнании просто неприлично». («Никакой мелодрамы...» Беседа с Иосифом Бродским. – в книге: Виталий Амурский. Запечатленные голоса. Парижские беседы с русскими писателями и поэтами. Москва, 1998, с. 5.). Остается, однако, проблемой, как истолковывать в свете сказанного последовательно декларировавшийся отказ поэта посетить Петербург в постсоветские годы («перехать с места на место»): как полную атрофию привязанности к родному городу, как желание подчеркнуть собственную исключительность гения-одиночки, всегда нарушающего общепринятые нормы, или как проявление всё той же эмигрантской болезненности по отношению к родине? Сам Бродский неоднократно объяснял это тем, что тот город, который он покинул, больше не существует. В любом случае, слова Бродского необычны для авторов-эмигрантов его поколения.

Член диаспоры живёт здесь и теперь, эмигрант пребывает там и тогда.

«Главным признаком писателя, на мой взгляд, является его фантомность. Он отсутствует в настоящем. В этом смысле можно говорить о литературе зарубежья.» (Савицкий)

Таким образом, синонимы «эмиграция» и «диаспора» могут обладать в реальности противоположным смыслом, практически становясь антонимами. В нашем случае эмигрантство характерно для представителей

ПЕСНИ ДЛЯ АЛЕКСАНДРА ЕЛСУКОВА или ПЛОХАЯ ЛИТЕРАТУРА (выдержки)

Александр Чукаев

Когда

В солнечный безликий день осени сумрачного города Парижа я встретил радостное существо, искрающееся от удовольствия и возможности творить.

По стечению ряда обстоятельств, под давлением обычной суеты и выталкиванием меня политической полицией моей огромной, холодной страны, я приехал во Францию, как оказалось впоследствии, твердо решить навязчивые проблемы прошлого.

Прошлого, как очередной ошибки безвозвратного будущего, тяжким камнем лежащего на моем сердце. Круглясь и оттачивая пессимизм, каменность прошлого, все это шевелило во мне мысли о реальности дня.

Но, как это невозможно воспринять, так же можно просто констатировать, что та радость, исходящая от белоснежного существа, застенчиво трогаящего свои очки на носу, которые крепко уцепились за внимательные серьезные уши, была истинна, как чистая капля из водопровода.

Как то магическое и привлекательное в нашей жизни, что часто мы находим внутри нас, беспокойно удивляясь и восхищаясь одновременно...

Этот день обычного пространства французской территории мало чем отличался от того, чтобы было возможно указать любопытному читателю этих строк на нечто замечательное и неповторимое.

Согласно предложенным нами критериям, нет. Роман издан во Франции, медиатизирован французскими критиками и журналистами, его большой тираж обеспечен французским читателем.

Необычность ситуации, принёсшей книге успех, заключается в авторской стратегии. Макин радикально меняет привычную оппозицию «аборигены/эмиграция»; в его книге повествователь-чужак (и ассоциирующийся с ним автор) не противопоставляет себя первым, но подчеркнuto манифестирует своё желание стать одним из аборигенов. Маугли покидает джунгли, оказавшись в результате не просто белым человеком, но к тому же ещё и французом.

Такая стратегия как нельзя лучше отвечает потребностям дня. Бывшая колониальная держава, Франция переживает серьёзные проблемы, связанные с иммигрантским вопросом, прежде всего с массовой иммиграцией в эту страну жителей её бывших африканских колоний. Будучи западным государством, она вынуждена определиться в своём отношении к переменам, происходящим в странах Восточной Европы, также поставляющим во Францию большое количество иммигрантов. Страну культуры *par excellence*, её сотрясают взрывы антиамериканизма, выражающегося, например, в попытках введения квоты на англоязычные песни в радиозфире, ритуальных нападениях на рестораны Макдональда или привозе группой французских фермеров двухсот двадцати килограммов рокфора на совещание Мировой организации по тарифам в Сиэтле. И если в период холодной войны выигрышным был образ чужака-эмигранта, полусвятого-полуколдуна, пришедшего из восточных лесов и степей и привносящего немного разнообразия в пресноватую западную жизнь (аккуратная макинская борода не идёт ни в какое сравнение с роскошными брадами Солженицына, Синявского, Копелева), то теперь требуется ровно противоположное.

Полную версию смотри на прилагаемой дискете
и в интернете по адресу <http://stetoskop.da.ru>

ЗАКАЗЫВАЛИ ?

37

Показательно в этом отношении равнодушие, с которым был воспринят роман Макина в России. Несмотря на усилия некоторых критиков и журналистов, книга так и не была востребована широким читателем. Это ещё один аргумент в пользу нашего мнения. И интересовавшие ещё недавно Запад авторы-эмигранты, и Макин превратили «эмиграцию в приём» (выражение Зиновия Зиника). Однако смысл этого приёма принципиально изменился. Писатель-эмигрант, уехав из России, продолжал обращаться к русскому читателю; писатель-иммигрант, приехав за границу, думает о читателе местном.

Опираясь на собственные наблюдения, отметим, что в диаспоре мнения по поводу книги разделились: одни отнеслись к ней с восхищением, другие, наоборот, – с враждебностью, явной или тайной. Общим, однако, явилось отсутствие разговора по существу, т.е. о литературных качествах произведения. Он заменялся бесконечной устной дискуссией по двум вопросам: 1) А была ли бабушка? 2) На каком языке написан роман в оригинале? Причём, если в вопросе о существовании реального прототипа родственницы повествователя мнения ещё разделялись, то по второму вопросу абсолютное большинство оказывалось сторонниками «русской» версии.

Франция

Определяющими факторами современного существования русской диаспоры во Франции являются, на наш взгляд, следующие:

- 1) мощное культурное прошлое;
- 2) современная Франция не является официально страной иммиграции;
- 3) подчеркнутая столичность жизни во Франции, в том числе русской диаспорной. Париж далеко опережает любой другой французский город по демографическим, промышленным, культурным и прочим показателям.

ПЕСНИ ДЛЯ АЛЕКСАНДРА ЕЛСУКОВА или ПЛОХАЯ ЛИТЕРАТУРА (выдержки)

«Когда мы говорим «их труды», мы подразумеваем «наши труды»».
(С. Рижанин. Полное собрание сочинений.)

Необходимо, по всей видимости, пояснить основную тенденцию нашей работы. В результате настойчивого и направленного изучения проблемы языка нам поневоле пришлось столкнуться с феноменом, который присущ не только науке о языке. Мы говорим о феномене назойливой традиционности, парадоксальной преемственности многих из наших последовательно великих предшественников. Россыпь блестящих прозрений, заключающаяся в их трудах, с завидной настойчивостью вмещается в пределы "развития идей" основоположника. В изложении их позиций совершенно отсутствует диалогичность, история науки о языке представляется историей неперестанного расцвета, в реальных масштабах которого разобраться просто невозможно хотя бы оттого, что зачастую "последователь" умудряется "развивать" идеи "основателя учения" тезисами, по существу опровергающими воззрения оного. Мы отказываемся от подобного метода рассуждений и направим свои усилия на то, чтобы найти моменты конфликта в позициях носителей языка, игнорируя, по возможности, их личности. Которые (личности), искренне заявляя, нам в рамках наших изысканий совершенно не нужны!

38

Взятый сам по себе, первый фактор, без сомнения, является благоприятным для культуры диаспоры. Однако в сочетании со вторым он приводит к тому, что свежих сил, необходимых для развития этой культуры, в том числе литературы, чрезвычайно мало. В этом отношении значимость Франции на культурной карте современной русской диаспоры несопоставима меньшей по сравнению с Израилем, США, Германией, в большом количестве принимающих эмигрантов из бывшего Советского Союза.

Русский Париж превратился для России в город-некрополь, город-архив, куда ездят для того, чтобы собрать материал для очередной статьи о Бунине, Цветаевой, Мережковском. На их фоне современные русские авторы, живущие в Париже, напоминают то ли бомжующих на шикарном кладбище самозванцев, то ли бедных родственников покойного, пришедших со скромным букетом на его похороны, но застрявших в юбилейной толпе по случаю пятидесятилетия со дня его смерти.

Что касается «парижецентризма», то этот фактор, как нетрудно догадаться, с одной стороны, способствует активному взаимодействию живущих здесь творческих личностей, но, с другой, затрудняет их выявление и развитие в провинции.

авторы

Что позволяет считать пишущего автором? Главным критерием является его достаточно активное участие в литературной жизни, а именно издание своих текстов, публичные выступления, внимание литературных посредников и признание читателей. К сожалению, никакого справочного пособия, посвящённого современным авторам русской диаспоры во Франции, не существует. Составляя их перечень, мы вынуждены были руководствоваться главным образом своими наблюдениями, а также советами некоторых компетентных лиц.

28

Владимир Тарасов

СЕРДЕЧНЫЙ РЕЦЕПТ

Кусочки откровенности прожарьте
До появления крови.
Залейте «стойком» и дайте им остыть.
Тем временем
В саду нарвите лести,
Нарежьте её тоньше –
Речь о сердце! –
Ума (толчёного) добавьте с коготок
И самолюбия (горошину-другую).

Заправьте блюдо.
Сумрак не мешает.
И подавайте с выражением в глазах.

Другие стихотворения смотри на прилагаемой дискете
и в интернете по адресу <http://stetoskop.da.ru>

Наряду с этим, эмигрантство может проявляться и прямо противоположным образом: через подчеркнутый отказ от ценностей родины в пользу новой страны обитания, настойчивое декларирование причастности к новой культуре, что, в свою очередь, отличает его уже от нормального жителя заграницы. Но и в этом случае, проблематизируя то, что аборигену кажется банальным, эмигрант остаётся чужаком, «чукчей» (Гладилин).

К типично эмигрантским заявлениям относятся не только «сухи» в адрес аборигенов, но и, наоборот, настаивание на том, что «мы, вообще-то, с русскими почти не общаемся». Эта черта эмигрантского поведения точно подмечена Сергеем Довлатовым. Среди его персонажей, нередко кочующих из одного произведения в другое, есть молодая пара – Фима и Лора («Иностранка»), они же Алик и Лора («Третий поворот налево»). В «Иностранке» сакраментальная эмигрантская фраза вложена в уста Фимы («С русскими мы практически не общаемся...» – Сергей Довлатов. Собрание прозы в трёх томах. Санкт-Петербург, 1995, т. 3, с. 34). Иронический смысл этому высказыванию придаёт то, что Фима делает его по поводу района, в котором находится купленный ими домик («Жили здесь в основном корейцы, индусы, арабы», – уточняет автор). В «Третьем повороте налево» ирония ещё более усилена: «Жили здесь в основном американские евреи, поляки и китайцы. Русских здесь не было совершенно. Алик говорил: «С русскими мы практически не общаемся...» (Малоизвестный Довлатов. Санкт-Петербург, 1996, с. 199.) Общась или не общась с русскими, герои остаются эмигрантами.

Эти соображения должны помочь нам лучше понять случай Андрея Макина, на который указывают двое из наших респондентов (Гладилин, Савицкий). Вопрос стоит следующим образом: является ли роман «Французское завещание» произведением литературы русской диаспоры? Мы обращаемся к этой книге, потому что именно она принесла Макину колоссальный успех во Франции.

23